

Адольфу Паввалю предстоял очень трудный день. Настолько трудный, что он даже вообразить не мог, что он окажется таким трудным.

Но пока он этого не знал и чувствовал себя превосходно. Хотя нотка лирической грусти все же присутствовала. Особенно когда вывел из гаража своего любимца и главного кормильца — “сааб 9000 лимузин” с тонированными стеклами. Водительское сиденье — мечта, как в каком-нибудь “ламборгини”. Слово бы отлито по слепку не с чьей-то среднестатистической, а именно с его, Адольфа Павваля, спины. Как материнская матка. А чего стоит черная, матово блестящая телячья кожа! Проведи рукой — и другое слово на ум не приходит: элегантность. Классическая элегантность. Более того, изысканная. Изысканная элегантность. Кладешь руки на штурвал... Язык не поворачивается назвать баранкой — именно штурвал. Кладешь руки на штурвал — и ты уже одно целое с машиной. Собственно, вот это внезапно возникшее чувство полного слияния и подвигло его решиться на тот кредит.

А сейчас он ехал по местам своего детства, несколько миль* к западу от Йелливаре, по одному из самых больших в Европе заповедников дикой природы. Довольно узкая местная дорога, на которую он недавно свернул, тщеславно именовалась Дорога на Запад, но он-то, Адольф Павваль, ехал как раз в противоположном направлении — на восток.

Он провел ночь в своей коте** в Кирьялуокта, жег хворост, варил кофе и прислушивался к внутренней жизни — ждал, пока выветрится из души многоголовая суета Лондона. Друзья называли такое времяпрепровождение *поехал подзарядить аккумулятор*. Он не спорил, но был уверен, что все наоборот. Он не заряжал аккумулятор, а разряжал. Дождался, пока угаснет эхо мощной и недоброй энергии, сочащейся чуть ли не из каждого камня огромного города. Отмыть душу, долго, ни о чем не думая, смотреть на сверкающие жгуты родника. Утолить сосущую тревогу из последнего на Земле источника с настоящей питьевой водой.

Мягкий поворот штурвала — и машина всплыла в ячейку довольно неожиданной в этом лесном краю парковки. Капот лимузина высунулся за черту не меньше чем на полметра — какая разница? На парковке, кроме его “сааба”, ни одной машины. Высокие ели в бахrome лишайника, никогда не просыхающий мох, кое-где торчат похожие на черепа округлые сливочно-желтые камни.

* Шведская миля — 10 километров. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** *Кота* — традиционное зимнее саамское жилище, невысокое бревенчатое строение с четным количеством граней от 4 до 6, в форме усеченной пирамиды.

Он неторопливо отстегнул ремень, открыл дверь и, помедлив, покинул уютный кокон салона.

Дождь. Почти незаметный. То ли дождь, то ли туман. Ничто на голову не капает, но воздух перенасыщен влагой. Подошел к придорожной канаве и потянул молнию на ширинке. Заметил в канаве пустую банку из-под кока-колы и поводел по ней струей. Представил себя художником, накладывающим на холст уверенные мазки. Потом попытался попасть в отверстие с приоткрытым алюминиевым клапаном — и не попал. Напора не хватило.

Небесная передышка, как он и ожидал, продолжалась недолго. Дождь усилился. Адольф достал термос со сваренным на арабский манер кофе. Черная горячая жидкость сразу принесла ощущение легкости. Наверное, мотор чувствует нечто похожее, когда заливаешь чистое масло. Никакого сравнения с фильтрованным кофе, который продают на заправках в бумажных стаканчиках. Пластиковая крышка с отверстием; должно быть, предполагают, что ты собираешься пить эту бурду за рулем: вираж — глоток кофе. Еще вираж — еще глоток. И ведь приходится пить... унизительно, конечно, но куда денешься? В городе деньги. Еще несколько лет — и все. Можно начинать жить.

За этими размышлениями Адольф Павваль неожиданно услышал шум. Сначала решил — грузовик. Тяжелый натужный вой груженой фуры. Или дождь усилился... но нет. Не усилился. Как шел, так и идет. Адольф удивленно завертел головой — непонятный шум все приближался. За поворотом закачались верхушки елей — с чего бы им качаться, ни ветерка... Он посмотрел в зеркало заднего вида.

От горизонта, подернутая по верхнему краю обрывками неизвестно откуда взявшихся белых облаков, поднималась грозовая туча. Но почему так быстро? И цвет странный...

Нет, не туча. С горизонта с неправдоподобной скоростью катилась свинцово-бурая вспененная стена. За какие-то секунды она заняла полнеба, глотая по пути деревья, камни, кусты.

И только в эту секунду Адольф Павваль осознал опасность. Захлопнул дверь и лихорадочно повернул ключ зажигания, нажимая левой рукой на все четыре кнопки стеклоподъемников. Мотор исправно заурчал. Адольф вывернул руль и дал полный газ. Колеса с визгом пробуксовали, ища опоры, и лимузин рванулся с места. За спиной сгущалась тьма.

Винсент Лаурин сидел в своей конторе. “Контора”... Аккуратный деревянный сарай к северу от Порьюса, построенный четырнадцать лет назад. Жизнь тогда катилась как по только что сбитому маслу. Разделенная комната, за перегородкой туалет и маленькая кухонька. На фасаде большой щит с надписью *Helitours* — вертолетные экскурсии. Четырнадцать лет Винсент зарабатывал, доставляя туристов к самым отдаленным горным озерам и тайным форелевым ручьям. Осенью приходила очередь охотников на куропаток. И конечно, саамы — маркировка оленей, забой. То и дело надо кого-то подбросить на летнее пастбище. Иногда приходится взлетать с тушей убитого лося, болтающейся под шасси. Свободная работа, свободная жизнь, свободные времена. И, если погода разрешает, — насладиться головокружительными видами. Мало кто представляет, как прекрасен его край с высоты птичьего полета.

Рекламный щит скоро снимут — этого потребовали адвокаты Хенни. Ну нет. Он вовсе не собирается стать свидетелем этого унижения. Скоро, очень скоро